

Мне вдруг вспомнилась маленькая девочка, которую я любил как родную сестру, с ее сдержанной и застенчивой улыбкой, характерной для восточных женщин, с плотно сжатыми красными губами и голубыми глазами, которые, казалось, сверкали, как вода.

Когда я уезжал двадцать лет назад, испугалась ли она моего внезапного исчезновения или даже рассердилась? Искала ли она меня?

Сожаление прошлой жизни невозможно исправить, но, возможно, в этот раз я смогу найти утешение.

Я медленно сбросил с себя плед и собрался выйти. У двери стояли четыре телохранителя, которые, как тени, следовали за мной, но, когда я уже собирался выйти, остановили меня:

— Молодой господин, если вы хотите выйти, сначала нужно получить разрешение хозяина.

В семье Жун есть такие странные правила? Дети из знатных семей, если они не слишком маленькие, обычно имеют свою свободу и пространство для деятельности. Мне уже четырнадцать лет, неужели я должен, как младенец, спрашивать разрешения у отца, чтобы выйти?

Я повернулся и пошел наверх. Жун Шицин, вероятно, был в кабинете. Я постучал три раза в дверь и, подражая ему, вошел, не дожидаясь приглашения.

Войдя, я увидел его слегка приподнятую бровь.

— Я хочу выйти, — мой голос в период мутации был хриплым и неприятным, и я старался не говорить лишнего. За последний месяц я произнес не больше десяти слов.

— Твоя нога еще не зажила, — его голос был холоден.

Я сразу почувствовал раздражение, не ожидая, что он откажет так быстро. Молодой господин из семьи Жун, конечно, получал лучшее лечение, и для лечения раны использовались лучшие лекарства и врачи, не хуже, чем методы лечения огнестрельных ранений в семье Гу. Обычно такие раны заживают за два месяца, и хотя рана однажды разошлась, это не было серьезно, и за месяц она уже почти зажила, не мешая мне выходить.

Кроме того, этот человек, который, возможно, случайно убил бы собственного сына и не заботился о моей жизни, почему теперь беспокоится о моей ноге?

— Ничего страшного, — я сжал губы.

Он сидел спиной к окну, и солнечный свет, падавший из окна, очерчивал четкие линии его профиля и плавные тени его тела. Он подумал и затем поманил меня:

— Подойди, дай посмотреть.

Посмотреть? Я уже был одет, а рана была выше колена на бедре. Неужели мне нужно снять штаны, чтобы он мог посмотреть?

Жун Шицин, очевидно, был человеком действия, и, видя, что я молчу, сам встал и подошел. Я невольно отступил назад, но он положил руку мне на плечо.

— Закатай штанину, — глава семьи Жун, конечно, не стал бы наклоняться, чтобы закатать мне штанину, выполняя такие услуги, поэтому он положил руку мне на плечо и уверенно приказал.

Я посмотрел на его руку на моем плече, взвесил все и наклонился. Я предпочитаю свободную и удобную одежду, и это облегчило выполнение его требования — широкие штанины легко поднялись выше колена до места раны.

Рана уже была без повязки, и снаружи она не выглядела ужасно — конечно, сама рана не была ужасной. Семья Линь, имеющая столетнюю историю, решила похитить молодого господина из семьи Жун, наняв для этого нескольких мелких хулиганов, что, если бы стало известно, вызвало бы насмешки. Даже если бы они наняли хулиганов, в Англии есть довольно серьезные криминальные группировки, и оружие у них было бы лучше. Две пули, попавшие мне в ногу, были самыми обычными, не причиняющими серьезного вреда, поэтому рана не выглядела ужасно.

Его взгляд задержался на моей ране, и мне стало неловко. Моя рука дрогнула, и я опустил штанину, а он тут же отвел взгляд.

— Иди.

Машина остановилась на повороте, и я попросил водителя остановиться, сам вышел из машины.

Прошло двадцать лет, но этот магазин сохранил свой прежний вид, и издали была видна розовая стена.

Помню, когда ее дом красили, она долго была недовольна, и на вопрос, почему, она ответила, что не любит розовый. До этого я всегда думал, что такая сдержанная и застенчивая девушка, как она, должна любить такие девчачьи цвета.

Я долго смеялся над ней, но она лишь холодно посмотрела на меня:

— Хилл, я очень сильна внутри, ты это узнаешь.

Ее выражение лица, когда она сказала это, было необычайно твердым и уверенным, и ее уверенность была внушительной.

Тогда, услышав это, я не знал, что ответить.

Прошло двадцать лет.

Как только я вошел в кондитерскую, меня встретил насыщенный сладкий аромат клубники.

Хозяйка магазина все еще была той самой знакомой мне женщиной, на голове у нее была большая коническая шляпа с изображением клубники, и она с улыбкой приветствовала посетителей, а на губах уже появились глубокие морщинки от улыбок.

Я застыл в конце очереди, и только когда предыдущий покупатель ушел, она встретилась со мной глазами:

— Сэр, чем могу помочь?

В ее глазах была дружелюбная улыбка и забота, как к ребенку, но не было радости от встречи со знакомым. Я резко опустил взгляд и указал на тарталетки в витрине:

— Я хочу четыре тарталетки.

Платя, я наконец-то заколебался:

— Миссис Гриффин, вы не знаете, где Фанни? Я ее друг, хочу ее найти.

Я попытался улыбнуться.

Она взяла тарталетки, но, услышав мой вопрос, замерла, и ее лицо сразу же стало мрачным. Она внимательно осмотрела меня с головы до ног, а затем сунула мне в руки коробку с тремя тарталетками:

— Она в отеле «Роллинг», эти три тарталетки тебе бесплатно, уходи и больше не возвращайся!

Коробка в моих руках смялась от ее грубого движения, и тарталетки внутри потеряли форму. Я стоял, держа коробку, ошеломленный.

Она, видя, что я еще не ушел, вышла из-за прилавка и, несмотря на удивленные взгляды других посетителей, стала толкать меня к выходу:

— Уходи!

Я пошатнулся от ее толчка и едва удержался на ногах.

Телохранители, стоявшие рядом с машиной, сразу же вышли и окружили меня, опасаясь, что миссис Гриффин снова нападет на меня.

— Дерьмо, — она холодно фыркнула, оглядев моих телохранителей.

Я, пораженный ее холодным взглядом, мгновенно очнулся и остановил телохранителей:

— Идем.

Что же произошло за эти двадцать лет, пока меня не было?

Миссис Гриффин была одинокой матерью, очень любившей Фанни, и, как и все одинокие матери, она была сильной и независимой, доброжелательной и приветливой. Она, конечно, никогда не видела меня в образе молодого господина из семьи Жун, и у нее не было причин быть столь грубой со мной, даже доходя до того, чтобы выгнать меня.

Значит, дело в Фанни. Что же произошло между этими двумя, которые двадцать лет назад были так близки, что миссис Гриффин стала так грубо относиться к тем, кто ищет Фанни?

Я приказал сопровождавшим меня телохранителям заплатить за тарталетки, а затем сел в машину.

— В отель «Роллинг».

В студенческие годы, проведенные здесь, я слышал это название.

Это было что-то вроде молодежного общежития, где жили в основном бунтующие подростки, полные энергии. Они вели себя свободно, и среди них были те, кто сбился с пути, такие как наркоманы или проститутки.

Фанни... Почему теперь она оказалась в таком месте? Я нахмурился.

Машина подъехала ко входу в отель «Роллинг», где я увидел молодого человека с огненной внешностью, в откровенной одежде, с красными губами, который цеплялся за мужчину, выпрашивая поцелуй, а его нога неподобающе терлась о нижнюю часть тела мужчины. Его длинные, волнистые, золотистые волосы доходили до пояса, и мужчина, с которым он целовался, схватил их и потянул назад.

Этот профиль был мне слишком знаком — это была Фанни.

Я посмотрел из машины, но их действия становились все более откровенными, и они совершенно не обращали внимания на две машины, остановившиеся неподалеку.

Прошло целых десять минут, прежде чем они разъединились.

<http://bllate.org/book/16596/1516583>